

IN MEMORIAM

H.C. Терлецкий

ПОЧИТАЕМЫЕ ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (отрывки из полевого дневника 2008 г.)

Предложенный вниманию текст — дань памяти и уважения Рахмату Рахимовичу Рахимову (1938–2013), учителю и наставнику, познакомившему меня с полевой этнографической работой. Долгие годы он являлся начальником Центральноазиатской этнографической экспедиции МАЭ РАН и своим неизменным энтузиазмом, увлеченностью и энергией в экспедиционной работе вызывал восхищение и преклонение окружающих. РР всегда говорил о важности полевых исследований, подчеркивая, что, только совмещая «кабинетную» науку с живыми наблюдениями и впечатлениями, можно быть настоящим этнографом. Однажды в приватной беседе я спросил его:

— Рахмат Рахимович, а был ли за время вашей работы в Музее хотя бы один год, в который вы не выезжали летом в экспедицию в Центральную Азию?

На мгновение задумавшись, он ответил:

— Да, был один случай, — затем после небольшой паузы добавил: — в тот год я выезжал в Центральную Азию зимой.

Представленный ниже текст является описанием первых дней моей первой этнографической экспедиции в Центральную Азию в 2008 г. Наш отряд состоял из четырех человек. РР выехал в Таджикистан еще в конце весны и по плану должен был встретить остальных участников по приезду в Самарканд.

Остальными участниками экспедиции были: автор этих строк, его коллега по работе в отделе Центральной Азии МАЭ К.С. Васильцов и примкнувший к отряду сотрудник Восточного факультета СПбГУ А.К. Алексеев. Нас связывали дружеские отношения еще со времени совместного обучения в университете. События, отраженные в данной статье, перекликаются с опубликованными материалами полевых исследований, проведенных РР в 2007 г. в том же регионе [Рахимов 2010: 138–152], и хронологически являются их продолжением.

Темой публикаций РР в последних выпусках «Материалов полевых исследований МАЭ РАН» [Рахимов 2008а: 96–112; 2008б: 144–172; 2009: 140–159; 2010: 138–152; 2011: 76–95] были, согласно его определению, «рассказы о дорожных людях». «Под “дорожными людьми” подразумеваются люди, которые либо встречаются полевику на его пути, чаще — к дальним объектам исследования, либо оказываются его случайными спутниками. Это понятие включает также людей, объединенных общим интересом, например участников научной экспедиции» [Рахимов 2011: 76]. Данная статья — попытка продолжить начатую РР тематику, а также сохранить присущий его работам стиль повествования, совмещающий элементы путевых заметок и научного исследования, делавший их чтение столь увлекательным. Отдавая себе отчет в том, что подражание всегда хуже оригинала, я руководствовался назиданием Н. Макиавелли: «Человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наилстойнейшим, чтобы если не сравниться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа» [Макиавелли 1990: 15].

* * *

Преодолев практически пятичасовой перелет из Санкт-Петербурга, глубокой ночью 15 июля мы прибыли в аэропорт Самарканда. Энергичными действиями и определенной бесцеремонностью летевших с нами представителей местного населения мы довольно быстро были оттеснены на периферию некого подобия очереди, образовавшейся для прохождения паспортного и таможенного контролей, а также прочих бюрократических формальностей, и лишь спустя внушительный промежуток времени все же смогли покинуть здание аэровокзала. Впрочем, спокойно вдохнуть теплый воздух ночного Самарканда и насладиться тишиной спящего города нам едва ли удалось, поскольку мгновенно мы были окружены плотной толпой таксистов и приравнивающих себя к онym частных извозчиков, наперебой предлагающих свои услуги, а скорее, настойчиво требующих воспользоваться таковыми. Не обращая ни малейшего внимания на наши решительные отказы от их навязчивого сервиса, водители пытались чуть ли не силой вырвать у нас из рук багаж и запихнуть его в свои машины, при этом заверяя нас в минимальной стоимости предполагаемого проезда, а также в счастливой возможности использовать в качестве оплаты любую имеющуюся у нас валюту. Стارаясь не вступать с таксистами в дискус-

ции, мы двинулись в путь к центру города, сопровождаемые целой кавалькадой водителей, все еще не потерявших надежду заработать. Наиболее настойчивые из них следовали за нами едва ли не километр. Оставленные наконец в покое, мы с лучами восходящего солнца проделали недолгий путь к Регистану — главной площади старого города, в непосредственной близости от которой располагалась и выбранная нами небольшая гостиница, представляющая собой переоборудованный под нужды постояльцев большой частный дом. Едва успев устроиться в номере, мы услышали снаружи знакомый голос, спрашивающий хозяина нашего временного пристанища, в какой комнате остановились гости из Санкт-Петербурга. В обладателе этого голоса мы без труда узнали РР, которого имели счастье приветствовать уже спустя несколько мгновений.

Выехав в тот день рано утром из поселка Гусар в Пенджикентском районе Таджикистана, РР быстро оставил позади 80 км пути до Самарканда, самым сложным этапом которого стал узбекский контрольно-пропускной пограничный пункт, где, по его словам, он подвергся дотошному опросу со стороны представителей погранслужбы о целях своего визита в Узбекистан, включавшему, в частности, вопрос, зачем он взял с собой фотоаппарат, и т.п. Оглядываясь по прошествии шести лет назад, с сожалением можно отметить, что проблемы, имевшие место на данном участке таджикско-узбекской границы, с каждым годом лишь усугублялись. Если в тот год граждане Таджикистана, хотя и с определенными сложностями, все же могли пересекать здесь государственные рубежи Узбекистана, то через год они оказались для них закрыты. Спустя еще некоторое время под запрет пересечения границы в данном месте попали и граждане иностранных государств, а КПП «Джартепа» был упразднен. Таким образом, жители района верхнего течения реки Зеравшан, исторически всегда тяготевшие к Самарканду, ныне оказались от него полностью отрезанными. Закрытая государственная граница, с узбекской стороны которой в настоящее время возведена настоящая стена, стала трагедией для множества людей в обоих государствах, утративших возможность контактов с близкими и родственниками.

РР прибыл в Самарканд налегке. Все взятые им с собой вещи с легкостью уместились в одну небольшую сумку, хотя мы и предполагали провести в Узбекистане около недели. Вероятно, заметив наши несколько недоуменные взгляды, он сказал, что настоящий этнограф всегда должен путешествовать с минимумом вещей, дабы не терять мобильности, иметь возможность с легкостью и безболезненно изменить в случае необходимости свой маршрут. При этом он обратил наше внимание на одну деталь своего походного гардероба, а именно — на жилет-безрукавку со множеством карманов, популярную среди фотографов и путешественников. Присмотревшись, мы обнаружили, что ее карманы с трудом вмещают свое содержимое — оказалось, что они плотно набиты пачками узбекских денег, предусмотрительно обмененных РР по рыноч-

ному курсу накануне на базаре Пенджикента. Дело в том, что вследствие скачка инфляции еще в 1990-е годы местные денежные знаки стремительно обесценились, однако при этом самой крупной купюрой осталась банкнота в 1000 сумов, на которую мало что можно приобрести. Поэтому в результате даже незначительной по стоимости валютно-обменной операции человек становится обладателем внушительного количества наличных денежных средств, обращение и расчет по которым требуют времени и известной сноровки, демонстрируемой местным населением.

Посвятив день знакомству с основными достопримечательностями Самарканда, многочисленными историческими памятниками культуры и религии, собравшись вечером в гостинице, мы обсудили планы на ближайшие дни.

Главной целью нашего пребывания в Узбекистане должно было стать посещение почитаемого мусульманского места паломничества и поклонения (*мазар*), называемого Хазрат Султан или Хазрат Шо (Шах) (букв. «Святейший государь»). Данный объект находится в труднодоступной горной местности, на границе между Таджикистаном и Узбекистаном, и представляет собой, по рассказам побывавших там паломников, могилу некого праведного человека, расположенную на вершине горы высотой более 4 км.

Предание (*ривайат*) связывает происхождение данного сакрального объекта с историческими событиями, имевшими место в далеком от Центральной Азии Междуречье Тигра и Евфрата в VII в. Они касаются обстоятельств трагической гибели третьего шиитского имама, внука пророка Мухаммада, сына Али ибн Абу Талиба — Хусейна. Согласно легенде, после мученической смерти в битве при Кербеле (10 октября 680 г. / 10 мухаррама 61 г. хиджры) против превосходивших сил, посланных халифом Йазидом, Хусейн был обезглавлен, и его голова была отправлена в Дамаск ко двору правителя. Убийцы целую неделю глушили и забавлялись, пиная голову потомка пророка, подобно мячу, однако она была настолько прочной, что оставалась целой. На ночь к голове приставлялась стража, дабы сторонники имама не могли ее выкрасть. По прошествии нескольких дней очередь охранять голову дошла до некого благочестивого человека по имени Ходжа Дауд. Не в силах вынести надругательства над останками внука пророка, Ходжа Дауд решился на отчаянный поступок: убив собственного сына, также носящего имя Хусейн, он отрезал ему голову и подменил ею голову имама. Сдавая утром свой пост, он отдал злодеям голову своего сына, а на их вопрос: «Что это?» ответил: «Голова Хусейна», избежав, таким образом, лжи. После этого с группой преданных ему людей и головой имама он поспешил покинуть город. Когда изуверы принялись вновь пинать голову, она, не обладая чудесными свойствами, сразу раскололась, и подмена была обнаружена. За Ходжа Даудом была организована погоня, которая настигла его близ горы, находящейся в настоящее время на границе Таджикистана

и Узбекистана. Чудесный конь праведника, встав на камень у ее подножия, подпрыгнул и вознес хозяина на вершину. Сподвижники Ходжи Дауда во главе с воином по имени Мукбил остались охранять перевал, ведущий к горе, что позволило ненадолго задержать нападавших. Однако силы были неравными, отряд пал, а нападающие, окружив гору, начали подниматься наверх. Ходжа Дауд вознес молитвы к Всевышнему, в ответ на которые гора расступилась и открылся вход в пещеру, в которой и скрылся праведник, захватив с собой голову Хусейна. Преследователи так и не смогли отыскать этой пещеры и были вынуждены возвратиться ни с чем. Такова в кратком изложении суть ривайата [АМАЭ. Терлецкий 2008: 18].

По прошествии времени гора как место упокоения Ходжи Дауда, носившего титул Хазрат Султан, стала почитаться как мазар и получила аналогичное название. В настоящее время зафиксировано несколько вариантов названия мазара: наиболее распространенным из них является Хазрат Султан, жители ближайших селений упоминают также название Ходж Дод, являющееся сокращенной формой от имени Ходжа (Худжа) Доуд (Дауд). Мазар представляет собой целый комплекс почитаемых объектов, происхождение которых нашло отражение в приведенной выше легенде. Основным из них является собственно предполагаемая могила Хазрат Султана (Ходжи Дауда), расположенная на самой вершине горы, а вернее на пике, находящемся на западной оконечности одноименного хребта. Очевидцы описывают эту могилу (по состоянию на середину 80-х годов XX в.) как сложное сооружение из камней, кольев, кувшинов, табличек с арабографическими надписями. [URL: <http://www.strannik.de/travel/sultan.htm>]. Сбоку от могилы располагается ровная каменная площадка, называемая *тахтгох* (букв. «tronное место»), на поверхности которой имеется несколько углублений, почитаемых как отпечатки рук и лба Хазрат Султана, оставленных им при исполнении земных поклонов (*саджда*) во время молитвы [Рахимов 2010: 148]. Здесь паломники отправляют свои молитвы. Чуть ниже находится еще один объект, у которого люди читают молитвы, — могила некого старика, который был председателем колхоза, но каждый год совершил паломничество (*зийарат*) на Хазрат Султан. За свое благочестие он удостоился права быть погребенным рядом со святым, подкрепленного собственным завещанием: быть похороненным там, где его настигнет смерть. Обретение смерти во время совершения паломничества, находясь рядом с сакральным объектом, считается особым знаком судьбы, которым отмечаются достойные и добродетельные люди, получающие заступничество святого в загробном мире. Перед подъемом на вершину горы расположен странноприимный дом (*ханака*), где паломники имеют возможность передохнуть и укрыться в случае непогоды, а также оставить выочный транспорт перед финальной фазой восхождения, которая выполняется пешком. Здесь же находится помещение для ритуального очищения (*тахоратхона*).

Следующий объект — пещера, в которой, согласно преданию, спасся от преследователей Ходжа Дауд. По всей видимости, данная пещера (*гор*) находится с северо-восточной стороны вершины, на отвесной стене, совершенно недоступной для посещения. Согласно легенде, одному благочестивому праведнику все же удалось пробраться туда. В пещеру он спустился на своем молитвенном коврике (*джай-намаз, намазлык*), на котором истово молился на вершине. За это он был прозван Хаджаджи Паранда (букв. «Хаджадж Крылатый»). Чудотворец спустился с горы с дарами пещеры: тремя яблоками, тремя гранатами (по другой версии — тремя грушами) и тремя гроздьями винограда. Он рассказывал окружающим об увиденных в пещере райских садах и прозрачных родниках. В центре пещеры располагается огромное дерево. Четыре его ветви обращены к четырем сторонам света, а на одной из них весит голова убиенного имама Хусейна [Там же: 149]. Согласно одному из вариантов ривойата, с висящей головы каждый год стекает одна капля крови в большую чашу, стоящую внизу. Когда чаша наполнится, это будет означать конец этого мира и начало Божьего Суда [URL: <http://www.strannik.de/travel/sultan.htm>].

У подножия горы, на перевале Мухбель (Мукбил), маркирующем водораздел долин Магиан-дарьи с востока и Аксу с запада, располагается небольшой мазар, называемый Мукбил Шо (Мукбил Шах). Согласно преданию, здесь находится могила предводителя воинов, преданных Ходже Дауду, оберегавших подступы к горе от посланного Йазидом отряда. По другой версии, Мукбил был брадобреем Хазрат Султана. К востоку от этого объекта расположено еще одно почитаемое место, являющееся составной частью сакрального комплекса Хазрат Султан. Оно носит название Мазори Шахидон («место поклонения павшим за веру») и представляет собой нагромождение каменных глыб необычной формы, поверхность которых под воздействием времени и сил природы стала отшлифованной. Форма некоторых камней напоминает антропоморфные фигуры, ассоциируемые преданием с воинами, павшими, как и Мукбил, при обороне горной вершины. В центре этой груды камней, обнесенной стеной, водружен длинный шест (*туз*), который венчают рога горного барана. Как и в случае с мазаром Мукбил Шо, верующие, следя по пути к основной святыне Хазрата Султана, останавливаются здесь для прочтения молитвы, а также совершают ритуальные круговые обходы (*таваф*). Паломники поклоняются еще одному камню, расположенному с узбекского склона перевала, у самого подножия горы. Он представляет собой каменную глыбу с отпечатком, согласно легенде, оставленным конем Ходжи Дауда перед тем, как тот со своим хэзином запрыгнул на вершину.

Частью сакрального комплекса Хазрат Султан является и соседняя с ним горная вершина. Она располагается в 7 км к юго-востоку от пика Хазрат Султан и превосходит последний по высоте, возвышаясь на 4358,9 м над уровнем моря (по другим данным, ее высота достигает 4600 м). На фоне соседних гор

она выделяется необычной формой своей вершины, представляющей практически правильный куб. Зафиксировано несколько названий этой вершины: Оилани Пок (букв. «пречистые жены»; вариант — Айолони Пок), Момоёни Пок («пречистые госпожи»), Биби Улмас («бессмертная госпожа»). Впрочем, несмотря на расхождения, все они связаны с приведенной выше легендой о Ходжа Дауде. Данная гора считается местом, где нашли убежище от преследователей жены Хазрат Султана и его спутников; по другой версии, жена Хазрат Султана. Более подробный рассказ об этом объекте представлен в следующей части предложенной вниманию читателя заметки.

Несмотря на то что ривайят связывает рассматриваемый нами объект с персонажами мусульманской агиографии и историческими событиями периода ислама, почитаемый комплекс Хазрат Султана демонстрирует явные следы природных культов, стадиально относящихся к эпохам, предшествующим установлению религии пророка Мухаммада в регионе Центральной Азии. Обезличенные названия большинства объектов (Хазрат Султан — «святейший государь», Оилани Пок — «пречистые жены», Биби Улмас — «бессмертная госпожа», Шохидон — «павшие за веру», Мукбил — «счастливец») также поддерживают данное предположение. Бытующие среди местного населения предания связывают название одного из наиболее крупных из расположенных в относительной близости селений — Магиён (Магиан), то есть место обитания магов, — с солярными культурами, якобы отправляемыми ими на вершине Хазрат Султан. Вероятность подобного, впрочем, не лишена оснований, если учитывать особое природное явление, которое можно наблюдать на горе до сих пор. Рассказ информантов об этом феномене красочно передает РР.

«Если встать лицом к каменному склепу, <...> то перед глазами открывается неописуемая картина причудливой игры постепенно восходящего солнечного диска далеко за горными вершинами, в юго-восточной части Фанских гор. Чудо состоит в том, что диск, когда он оказывается на горизонте, напоминает сказочный шарообразный сосуд, наполненный какой-то золотистой массой. Он без лучей. Продолжая свое движение к западу, шар скрывается за первой из трех вершин. С учетом предполагаемой линии подъема светила над горизонтом паломник ожидает его появления из-за вершины немного выше точки, где оно заходило за ней. Но оно показывается не из-за вершины, а еще ниже — почти из угла впадины между первой и последующей вершинами. Возникает ощущение, что это не тот диск, который скрывался за вершиной, а другой. Затем он скрывается за второй вершиной и на этот раз, также вопреки ожиданию, появляется намного выше предполагаемой отметки. Из-за третьей вершины солнце показывается опять ниже точки ожидания его появления, как будто там оно проваливалось. Такое таинственное зигзагообразное движение небесного светила совершенно захватывает воображение. Все это время солнце движется как золотистый шар, без лучей. Они появляются лишь тогда, когда шар

оказывается на горизонте далеко за последней — третьей — вершиной» [Рахимов 2010: 139].

Учитывая все вышеизложенное, вполне понятен интерес, который вызвал у участников экспедиции данный объект. В предыдущий полевой сезон (летом 2007 г.) РР уже предпринимал попытку взобраться на Хазрат Султан, но обстоятельства не позволили тогда совершить восхождение.

Полные надежд и решимости, ранним утром 16 июля мы принялись за реализацию намеченных планов. В поисках автомобильного транспорта для путешествия мы столкнулись с типичной проблемой, когда истовое желание местных водителей помочь и готовность предоставить свои услуги, в первую очередь обусловленные, конечно, стремлением заработать, совмещались с отсутствием или весьма смутными представлениями о месторасположении конечного пункта нашей поездки и маршруте к нему. Собравшиеся таксисты высказывали крайне противоречивые, а зачастую и вовсе фантастические мнения о продолжительности предстоящего пути и качестве дороги. В итоге, выбрав, как нам показалось, наиболее достойного представителя транспортной гильдии, мы выехали в сторону города Шахрисабз, что лежит в 80 км к югу от Самарканда, в надежде услышать там более надежную информацию о пути к мазару. Довольно быстро мы перевалили через отроги горного хребта, отделяющего речные долины Зеравшана и Кашкадаръи, и добрались до города. Расспросив местных жителей, мы выяснили, что наш дальнейший путь должен лежать на восток, через поселения Хисарак, Сарчашма и Гilan (около 80 км), а далее более 30 км пешком вверх в горы. Впрочем, сама возможность доехать до обозначенных населенных пунктов ставилась под сомнение из-за состояния разбитой грунтовой дороги. Тем не менее мы решили попытать счастья и двинулись дальше. Спустя несколько километров наш путь перегородил шлагбаум блокпоста с несколькими вооруженными представителями не то Министерства внутренних дел, не то Комитета безопасности. Проезд далее был возможен только при наличии специального разрешения. Все наши просьбы и уверещания, заверения в сугубо мирной научной цели нашего визита на Хазрат Султан были пресечены решительным отказом. Осознав полную безнадежность дальнейших разговоров с охраной, мы повернули обратно в Шахрисабз для встречи с представителями властей и получения требуемого пропуска. Характер последовавших мытарств по «коридорам власти» наглядно описывает в своем полевом дневнике РР.

«Из-за невозможности преодолеть не только нежелание, но и откровенное противодействие местных официальных властей эту поездку осуществить не удалось. На наши вопросы “Почему?” во властных структурах (буквально всех уровней, включая местное отделение КГБ) отвечали коротко: “Нельзя”. При этом первые лица властей вовсе не “проявлялись”. Подчиненные чиновники, как говорившиеся, твердили одно и то же: “Начальника нет… Замести-

теля тоже нет...” После этого мы отправлялись в следующее ведомство, а меня не покидало убеждение, что “отсутствовавший” начальник смотрит в окно и, глядя на то, как мы уходим, испытывает чувство удовлетворения и гордости за свое величие. В одном случае благодаря настойчивости А.К. Алексеева удалось “вытащить” на проходную гражданского начальника (*хакима*). Но его “интеллигентность” сочетала черты поведения современного хама и средневекового феодального хана» [АМАЭ. Рахимов 2008: 45].

Сложно определить истинную причину административных препятствий, преградивших путь экспедиции к намеченной цели. Возможно, она объясняется запретом на посещение приграничной зоны, возможно, закрытой территорией Гиссарского заповедника, близ которого шел маршрут к святыне Хазрат Султан. Водители и другие местные жители выдвинули предположение, что запрет обусловлен существованием (или, по другой версии, строительством) на полпути к интересовавшему нас мазару некого пансионата, каким-то образом связанного с дочерью президента Узбекистана Гульнарой Каримовой, а наличие шлагбаума и лиц в милицейских погонах, проверяющих паспорта и разрешения на проезд, обусловлено, вероятно, нежеланием того, чтобы правительственный объект увидели иностранцы. По другой версии, чрезмерная «бдительность» властных структур была вызвана недавним чрезвычайным происшествием, имевшим место в пригороде Бухары Кагане, где в ночь с 9 на 10 июля прогремели взрывы на складе боеприпасов, повлекшие большие жертвы и разрушения. Как бы то ни было, поняв безнадежность наших попыток получить разрешение, утомленные и раздосадованные, мы решили двинуться в обратный путь и, не доехав до Самарканда, выехали в Таджикистан.

Ко всем прочим неудачам того дня наш водитель решил извлечь выгоду из сложившейся ситуации и потребовал значительного увеличения причитающейся ему суммы оплаты. Мотивируя свои притязания потраченным в ожидании результатов наших переговоров с властями временем, он все ожесточенее высказывал свое недовольство и повышал тон и градус разговора.

— Вы должны заплатить мне полностью обещанную сумму и плюс к этому деньги за дорогу от Шахрисабза до границы.

— Уважаемый, — отвечал ему сидящий на переднем сидении РР, — по договору вы должны были довезти нас до конца дороги, ведущей к Хазрат Султану, именно в ней заключалась вся сложность маршрута. Мы же не проехали по ней и нескольких километров, так что и уговора вы не выполнили. Мы заплатим вам стандартную стоимость оплаты дороги от Самарканда до Шахрисабза и обратно до границы, и при этом вам еще следовало бы высказать нам слова благодарности, поскольку у вас оказались пассажиры в оба конца пути.

— В таком случае я не повезу вас дальше, пока вы не заплатите, — закричал водитель, полагая, видимо, что подобная угроза может возыметь действие.

— А мы никуда не торопимся, — спокойно произнес в ответ РР.

К этому моменту мы отъехали от Шахрисабза порядка 3 км и находились в центре городка Китаб. Водитель остановил машину, и мы выгрузили наши вещи. По решительному выражению лица РР мы поняли, что в данном споре восточной дипломатии никаких уступок с его стороны не предвидится. Понял это и водитель и, несомненно, уже пожалел о своих действиях. Поторговавшись еще некоторое время, все более и более сбрасывая цену, он в итоге получил деньги за дорогу до Шахрисабза, дополненные суммой, компенсирующей его ожидание, и, раздосадованный, отправился вовсюся.

Осмотревшись вокруг, мы обнаружили, что находимся рядом с пятничной мечетью. Решительным шагом РР направился внутрь с целью расспросить настоятеля об интересующем нас мазаре и решить неожиданно возникшую транспортную проблему. Мулла поведал немногочисленную известную ему информацию о сакральном объекте и, в свою очередь, поинтересовался, кто мы и откуда. Узнав, что мы из Ленинграда (название Санкт-Петербург до сих пор нечасто слышится в разговорах жителей Центральной Азии, особенно старшего поколения, в любом случае оно не производит на собеседников, в большинстве своем искренне испытывающих ностальгию по временам Советского Союза, столь благостного впечатления, как имя «города Ленина») и прибыли с научной целью, он решил оказать нам знаки внимания, распорядившись найти необходимый транспорт. Вскоре машина была готова, и мы, с благодарностью воспользовавшись радушием служителя культа, вскоре уже были на границе. Прохождение пограничных формальностей и дорога по территории Таджикистана вывела нас из неприятного осадка от неудач первой половины того дня. К вечеру мы были уже в поселке Гусар в гостеприимном доме РР, который с того момента стал для нас «штабом» экспедиции. За вечерней трапезой с приготовленными племянницами РР угождениями недавние неурядицы казались нам уже делами давно минувшей поры, и было принято решение: не откладывая в долгий ящик попытаться вновь взобраться на высокогорный мазар Хазрат Султан, на этот раз со стороны Таджикистана.

Посвятив следующий день осмотру достопримечательностей, расположенных близ поселка Гусар, ранним утром 18 июля мы выехали в горы. Первым пунктом нашего маршрута стал уже упоминавшийся поселок Магиён, до которого была проложена более или менее сносная дорога. Не рассчитывая, согласно первоначальным планам, надолго задерживаться здесь, мы вскоре были вынуждены несколько скорректировать нашу программу, поскольку в полной мере испытали на себе традиции восточного гостеприимства. Житель Магиёна Джобиркул, давний знакомый РР, каким-то образом оказался осведомлен о нашем прибытии и настоял на том, чтобы мы зашли к нему в гости. Нас отвели в помещение, расположенное отдельно от жилых и хозяйственных комнат дома, имеющее отдельных вход и предназначеннное, как пояснил нам хозяин, исключительно для приема гостей, которым, согласно традициям

не следует вторгаться во внутренний мир обитателей. По количеству выставляемых на *дастархан* закусок стало понятно, что визит вежливости (как мы изначально полагали) займет довольно продолжительное время. За трапезой мы еще раз обсудили предстоящий маршрут. Оказалось, что дальше дороги, доступной для проезда легковых автомобилей, нет. Наш путь лежал вверх по течению Магиан-Дары (в данном месте русло реки называется Оби-борик или Субаши) порядка 15 км до селения Рогич, затем, продвинувшись вверх по течению еще 3 км, предстояло повернуть на запад и подняться по ущелью Гур-Дара к перевалу Мукбил. Впрочем за дастарханом эти планы казались нам легко осуществимыми. Практически ни разу в жизни не имея до того опыта путешествий по горам, я не мог предположить, насколько тяжелым выдастся даже первый этап маршрута.

Когда, наконец, нам было позволено покинуть гостеприимный дом Джобиркула, выяснилось, что один из его соседей как раз в тот день проводит какие-то ремонтные работы в своем доме. Для транспортировки строительного камня из стихийно возникшей каменоломни он нанял грузовой «ЗИЛ-130». Поскольку каменоломня располагалась по пути нашего маршрута, нам было любезно предложено воспользоваться порожним попутным транспортом. Уговорив РР занять место в кабине машины рядом с водителем, остальные участники экспедиции расположились в металлическом кузове — и двинулись в путь (рис. 1). Езда в подобного рода транспортных средствах даже по хорошей трассе оставляет мало приятных воспоминаний, что же говорить о ситуации, когда одолеваемое машиной пространство дорогой можно было назвать весьма условно. Вцепившись в борта кузова, дабы не вылететь из него, подпрыгивая на ухабах, мы передвигались со скоростью, едва ли превосходящей неторопливую прогулку пешехода. Когда же машина кренилась набок, преодолевая места обвалов, и проезжала по подобиям мостов, представляющих собой перекинутые над бурным потоком горной реки бревна, невольно в голову заливалась мысль об ошибочности нашей затеи воспользоваться данным транспортом. Впрочем, эмоции, вызываемые этой поездкой, были хотя и сильными, но, к счастью, недолгими, поскольку место добычи камня располагалось едва ли в 1,5–2 км от Магиёна. Испытав прилив уверенности от ощущения твердой земли под ногами, мы направились вверх по узкому и глубокому ущелью Оби-борик, наслаждаясь красотой окружающей природы.

Приблизительно через четыре часа мы достигли *кишлака* Рогич. Он представляет собой несколько островков построек, сгруппированных в немногочисленных пригодных для строительства местах на крутых склонах ущелья, высоко над рекой (рис. 2). Электричество в поселке отсутствует, а на протяжении долгого зимнего периода, когда дорогу засыпает снегом, он оказывается практически изолированным от внешнего мира. Когда мы вошли в селение, оно показалось абсолютно безжизненным; не было видно ни людей, ни живот-

Рис. 1. Участники экспедиции перед отъездом из селения Магиён.
Слева, за открытой дверью автомобиля, — Р.Р. Рахимов; в кузове стоят
К.С. Васильцов, А.К. Алексеев, Н.С. Терлецкий. Фото автора. 2008 г.

Рис. 2. Вид части селения Рогич. Фото автора. 2008 г.

Рис. 3. Кузов грузовой машины, служащий магазином.
Селение Рогич. Фото автора. 2008 г.

ных. Когда мы расположились на отдых на помосте (*кат*) в самом центре Рогича, РР обратил наше внимание на стоящий рядом крытый кузов, отделенный от грузовой машины (рис. 3). Одному Богу известно, каким образом он оказался здесь, на обрывистом склоне заброшенного в горах кишлака.

— Как вы полагаете, какой цели он здесь служит?

Мы терялись в догадках.

— Это местный супермаркет, — пояснил РР, наблюдавший годом ранее картину, как хозяин данного вагончика продавал здесь товар, приобретенный им до этого в Магиён и привезенный в Рогич на осле.

Через некоторое время из соседнего дома к нам вышла женщина, которая несла чай и лепешки для нас. Из разговора с ней выяснилось, что все мужское население поселка было занято работами по расчистке арыков, доставляющих воду в поселок. Поскольку Рогич расположен на высоком обрывистом берегу, водозабор из протекающей в нескольких десятках метрах внизу реки невозможен. Жители вынуждены проводить воду из расположенных в нескольких километрах от селения источников через систему искусственных водоотводных каналов, в буквальном смысле вырубленных в круtyх каменных склонах гор. Поддержание их нормального функционирования требует значительных усилий; на тяжелые работы по расчистке от частых обвалов горной породы и вос-

становлению арыков после размывов мобилизуется все трудоспособное мужское население. Вскоре нас окружила группа любопытствующих мальчишек, среди которых оказался и знакомый РР по путешествию прошлого года Абдураззак. Он вновь вызвался выступить проводником и провести нас к Хазрат Султану. РР с большой симпатией отзывался о личных и «профессиональных» качествах юноши, и мы с готовностью приняли его предложение. Спустя короткий промежуток времени наш проводник раздобыл для перевозки имеющихся у нас вещей двух осликов и, навьючив их поклажей, объявил о готовности двинуться в путь. Было очевидно, что дойти до вершины за этот день мы ни при каких обстоятельствах не успеем, поэтому главным приоритетом нашей программы на остаток дня стала попытка добраться засветло до летовки (*аул*), располагающейся на перевале Мукбил. Абдураззак сказал, что там мы встретим его отца Махмадкула. Состав нашего каравана дополннила пара мальчишек, примкнувших к нам «на добровольных началах», которым якобы необходимо было по каким-то делам попасть на летовку. Впрочем, было очевидно, что это лишь повод, которым они воспользовались, дабы удовлетворить свое любопытство и посмотреть на незнакомых им людей.

Наш путь вверх по Оби-борик продолжился. По дороге мы миновали несколько построек, служащих местами для содержания скота при перегонах, а также для отдыха пастухов. Особенno необычен был облик шалашей (*каппа*), возведенных из сухих стволов и веток можжевельника (рис. 4). Каркас конструкции образуют несколько крупных стволов, связанных вместе наверху, пространство между ними заполнено на первый взгляд хаотично набросанными более мелкими ветвями. Однако подобная примитивная конструкция на деле оказывается весьма надежной. По рассказам местных жителей, ветви стен шалаша уложены таким образом, что полностью задерживают дождь, капли которого стекают по ним, не попадая вовнутрь. Не меньший интерес и схожее первоначальное недоверие к надежности вызвало устройство моста через Оби-борик, который нам необходимо было пересечь перед подъемом на перевал (рис. 5). По сути, он представляет собой две кучи можжевеловых веток, наброшенных с обоих берегов таким образом, что верхние слои нависают над водой. Для того чтобы конструкция не упала в воду, в качестве противовесов используются камни. Соединяются указанные груды веток уложенными рядом несколькими можжевеловыми стволами. Сейчас, по прошествии нескольких экспедиционных сезонов, проведенных во многих отдаленных уголках Таджикистана, где порой встречались куда более зыбкие переправы, этот мост кажется мне едва ли не образцом прочности, однако в тот день ощущения были совсем иными.

После переправы на другой берег нас ждало самое сложное испытание в тот день — подъем вдоль ручья вверх к перевалу по ущелью с говорящим названием Гур-Дара (букв. Долина Смерти). Отрезок пути длиной не более чем

Рис. 4. Каппа. На переднем плане Р.Р. Рахимов и проводник Абдуурразак.
Фото автора. 2008 г.

Рис. 5. Мост через Оби-борик. Фото автора. 2008 г.

3 км мы преодолевали практически 3,5 часа. Непривычные условия горной местности, отсутствие акклиматизации и накопившаяся за день усталость заставляли нас то и дело совершать остановки (рис. 6). Во время одного из привалов было решено организовать трапезу, поскольку чувство сытости, подаренное утренним застольем, от продолжительной пешей прогулки давно улетучилась. Местом для «пикника» была выбрана одна из стоящих близ тропинки пустующих кашпа, которая внутри оказалась вполне вместительной и капитальной постройкой. Абдураззак вместе со своими товарищами быстро разжег костер, на котором и был приготовлен нехитрый обед, состоящий из лапши, чая и лепешек. Сколько ни заманчивым было желание задержаться на отдыхах в шалаше чуть подольше, необходимо было без промедления двигаться вперед, дабы ночь не застала нас в пути. После отдыха, вопреки ожиданиям, силы, казалось, совсем покинули нас. Следует напомнить, что шли мы (если в отношении нашего перемещения можно употребить подобный термин) налегке, весь груз везли два ослика. При этом чем дальше мы поднимались, тем круче становилась дорога и тем чаще приходилось делать передышки. Под личным местоимением первого лица множественного числа здесь я имею в виду новичков экспедиционных исследований — себя, КВ и АА. Абдураззак с двумя другими юными жителями Рогича, по всей видимости, вовсе не ощущал ни малейшего напряжения от преодолеваемой дороги. Я почти уверен,

Рис. 6. Проводники слушают Р.Р. Рахимова во время одного из привалов.
Фото автора. 2008 г.

что если бы они двигались самостоятельно в привычном для них темпе, то весь подъем едва ли занял у них 30–40 минут. Погоняя ослов, они ушли далеко вперед, видимо, не в силах вынести вида и темпа нашей «ходьбы». Также вперед ушел и РР, который использовал выработанную им годами путешествий методику — идти медленно, соблюдая постоянный ритм и темп, и не делать остановок. Вот что он сам говорил по этому поводу: «Русская пословица “Тише едешь — дальше будешь” очень актуальна и для пешей ситуации. Бывалые люди говорят, что движение по горам не терпит быстроты, потому что путешественник быстро устает, а привал, чтобы перевести дыхание, лишает его силы еще больше. Отсюда и предписание традиции — хочешь дойти до дальней цели, двигайся медленнее и по возможности не останавливайся, иначе организм остывает, что препятствует сохранению силы при движении на большие расстояния» [Рахимов 2010: 146]. Необходимо отметить, что в тот год, несколькими месяцами ранее, РР отметил свое семидесятилетие. Впрочем, в итоге мы все же одолели казавшийся бесконечным подъем и вышли на открытое пространство. Уже смеркалось, на фоне неба четко вырисовывались прямоугольная вершина Оилани Пок слева и гребень хребта Хазрат Султан справа. На темном склоне соседней горы были различимы огни от костров пастухов, и слышался лай собак, охраняющих стада, а прямо перед нами виднелась

Рис. 7. Общий вид летовки. Фото А.К. Алексеева. 2008 г.

группа невысоких построек (рис. 7), которые и были конечным пунктом нашего сегодняшнего путешествия. Вид близкой цели прибавил нам сил, и спустя короткое время мы уже подошли к дому, рядом с которым нас ждал Абураззак.

Назвать домом постройку, в которую мы вошли, можно было с большой долей условности. Как и соседние сооружения, она представляла собой небольшое прямоугольное строение, каркас которого был возведен из вертикально установленных грубо обработанных бревен и крупных ветвей. Пространство между ними было заложено камнями и глиной. Плоская крыша состояла из нескольких слоев ветвей, сверху обмазанных глиной. Пол хижины был земляной. Сложеные в центре единственного имеющегося внутри помещения камни огораживали место очага. Дым от костра выходил в небольшой проем в стене, служащий окном, и в открытую дверь. Когда мы зашли внутрь хижины, то обнаружили там значительное число людей. По-видимому, узнав о нашем прибытии, все взрослые обитатели летовки поспешили взглянуть на незнакомцев, крайне редко появляющихся в этих краях. Среди присутствующих выделялся невысокий хмурый бородатый человек в голубой чалме, значительность и некоторая надменность которого выдавали в нем хозяина. Это был отец Абдураззака Махмадкул. Он пригласил нас присесть за дастархан. Расположившись рядом с костром на положенных прямо на землю матрасах (*курпачах*), мы рассказали о своих планах. Местные жители стали убеждать нас, что посещение Хазрат Султана абсолютно невозможно из-за минных

полей, которые разбиты с узбекской стороны на протяжении всего перевала Мукбил. Один из присутствующих продемонстрировал свою исколеченную ногу — его правая нога практически полностью отсутствовала. Оказалось, что он потерял ее, подорвавшись на мине, когда пас скот вблизи границы. Практически каждый год страдают люди: кто-то погибает, кто-то навсегда остается калекой, что в условиях жизни в Таджикистане (пенсия по инвалидности, как нам сообщили, составляет в переводе на российские деньги менее 35 руб.) позволяет им рассчитывать лишь на помочь своим родных. Количество же погибшего скота вовсе не поддается счету. Кроме того, по рассказам наших собеседников, неоднократно имели место случаи угона скота со стороны узбекских пограничников.

— А возможно ли посещение соседней почитаемой горы Оилани Пок? — спросил у нашего хозяина РР.

— Да, это возможно. Я сам готов быть вашим проводником.

— А сколько занимает путь от летовки до вершины?

— Три часа.

Сопровождавшие нас из Рогича мальчишки также стали уверять, что путь наверх занимает три часа. Впрочем, на вопросы о том, был ли там кто-нибудь лично, ни они, ни Махмадкул дать прямого ответа не смогли. В надежде, что, возможно, с Оилани Пок наблюдается то же удивительное оптическое явление, связанное с восходом солнца, что и с соседнего Хазрат Султана, мы договорились с Махмадкулом выдвинуться в путь пораньше, дабы с рассветом оказаться на вершине. Решено было выйти в два часа ночи.

Как уже упоминалось, вершина Оилани Пок выделяется своим необычным внешним видом. Являя собой полную противоположность соседнему остроконечному пику Хазрат Султан, ее верхняя часть как будто срезана и, по крайней мере снизу, кажется совершенно плоской. Нами было выдвинуто предположение, что именно облик этих горных вершин определил их, если можно так выразиться, гендерную специфику — остроконечный пик, символизирующий мужское начало, стал ассоциироваться с маскулинным мазаром (могилой Хазрат Султана), а плоская поверхность Оилани Пок, соответственно, — с женским началом и феминным мазаром (могилой жены Ходжи Дауда). Описаний облика мазара на Оилани Пок в источниках не обнаружено; местные жители также не смогли предоставить конкретных сведений по данному вопросу. Имеются данные, согласно которым источники воды, питающие расположеннное ближе к вершине горы озеро и стекающую в Гур-Дару стремнину, почитаются как священные. Схожая картина наблюдается и на Хазрат Султане. Северный склон этого хребта покрыт ледником, носящим имя русского путешественника и зоолога Н.А. Северцова. Ручей, берущий свое начало из этого ледника, также считается священным, а вода из него — целебной. Целебными свойствами обладают, по представлениям местных жителей, и растения, встре-

чающиеся на почитаемых горах. При этом полезные качества имеются не только у лекарственных, но и у вполне обычных трав и растений.

Учитывая ранний подъем, мы поскорее расположились на ночлег тут же, в хижине, в спальных мешках рядом с костром. Комфортным наш отдых можно назвать с трудом. Расположение спальных мест, учитывая небольшие размеры помещения, было таковым, что наши ноги практически оказывались в костре, жар от которого поначалу с трудом можно было переносить. При этом остальные части тела испытывали не менее ощутимый холод, просачивавшийся внутрь хижины. В дополнение к этому дым и угарный газ от открытого костра переполняли комнату, затрудняя нормальное дыхание. Видимо, желая провести ночь хотя и при более низкой температуре, но в более благоприятной атмосфере, АА взял свой спальный мешок и начал устраиваться на ночлег снаружи. Махмадкул на это что-то быстро произнес РР.

— Антон, наш хозяин беспокоится за вас. Он опасается, что ночью вы можете стать объектом нападения собак, которые бродят поблизости, — передал его слова РР.

Буквально через мгновение АА был внутри; мы уже слышали в тот вечер грозный лай местных овчарок, и, судя по нему, встреча с ними вряд ли предвещала что-то хорошее. Неудобное ложе и волнение, инициированное мыслями о предстоящем пути, не давали уснуть. Впрочем, отведенное на отдых время было недолгим. В намеченный накануне час, взяв с собой лишь фотоаппараты, мы вышли в ночную темноту.

Небо было затянуто облаками, и в слабом свете электрического фонарика мы с трудом различали путь, по которому идем. Вопреки ожиданиям мы не двинулись сразу вверх на гору, а начали обходить ее. Время, как и наши силы, быстро уходило, а мы все еще были далеки от намеченной цели. Постепенно небо на востоке стало светлеть — приближался рассвет.

— Сколько нам приблизительно еще идти? — спросили мы нашего проводника.

— Три часа, — последовал уверенный ответ.

— Но ведь мы уже прошли почти три часа...

— Да, но впереди еще три часа пути.

— А сколько километров до вершины?

— Три километра.

За время экспедиций по Центральной Азии мы неоднократно сталкивались со специфическим представлением местных жителей о времени и расстоянии. Очень часто на наши прямые вопросы о дистанции до того или иного объекта нам назывались цифры, не имеющие отношения к действительности. Причем отклоняться от истинных они могут как в большую, так и меньшую сторону. Сообщаемые нам цифры скорее являются некими условными показателями степени удаленности места, до которого надо дойти, и сложности пути.

При этом критерии, которыми руководствуются информанты, определяя подобные градации, в большинстве случаев у каждого свои. Ритм жизни накладывает существенный отпечаток на восприятие времени. Следует также учитывать, что скорость передвижения местных жителей по горам значительно отличается от той, что в большинстве своем демонстрируют гости этих мест. Нельзя сбрасывать со счетов и наблюдаемое порой желание угодить гостю, когда информант намеренно занижает время и протяженность пути, дабы реальные цифры не отпугнули посетителя. В нашем случае, по всей видимости, цифра «3», постоянно повторяемая Махмадкулом, обозначала в его понимании некую среднюю величину — не слишком далеко и не слишком близко.

Уже совсем рассвело, а мы все продолжали свой путь. Мы обходили Оилани Пок с востока, поднимаясь по ее отрогам вверх вдоль течения ручья, стекающего в Гур-Дару. АА начал все более отставать. Махмадкул счел, что экипировка АА, в первую очередь его массивные горные ботинки, мешает поддерживать более высокий темп ходьбы.

— Такая обувь совсем не годится для гор, она слишком тяжелая, — сказал он, — для этой цели лучше всего подходит та, что надета сейчас на мне.

Мы обратили взгляд на ноги нашего проводника. На них были старые, едва ли еще не советского производства, резиновые калоши, обутые прямо на босу ногу. К этому моменту мы добрались до места, где хотя и непрерывный, но достаточно пологий подъем заканчивался, а дальнейший путь шел по крутым склону, угол наклона которого составлял порядка 45 градусов. Чтобы не задерживать наше движение, АА решил остаться внизу и ожидать здесь нашего возвращения. Махмадкул сказал, что в таком случае он разведет для него костер, огонь которого не только даст тепло, но и будет отпугивать хищников. На первый взгляд казалось весьма маловероятным, чтобы на такой высоте, где уже не растут деревья, а ландшафт представляет собой лишь нагромождения камней с редкими поросшими травой участками, вообще могут существовать животные, тем более крупные хищники. Проводник заверил, что в данном районе встречается много медведей, которые порой нападают на домашний скот. Будто в подтверждение его слов мы увидели невдалеке останки коровы, которая, возможно, стала добычей диких зверей. Поскольку древесная растильность вокруг отсутствовала, Махмадкул, продемонстрировав удивительную споровку, развел костер из сухого коровьего навоза (*кизяк*), в изобилии покрывавшего окрестности. Оставив АА коротать время за поддержанием огня, мы начали подниматься вверх по склону.

Склон, по которому мы карабкались, представлял собой сплошной обвал из обломков мраморной породы самых разнообразных цветовых оттенков. Впрочем, в тот момент меньше всего мы были склонны обращать внимание на красоты, окружавшие нас. Каждый шаг давался с огромным трудом. Ноги, не имея прочной опоры на осыпающееся косогоре, соскальзывали вниз,

Рис. 8. Привал во время подъема на Оилани Пок.
Р.Р. Рахимов и проводник Махмадкул. Фото автора. 2008 г.

кая за собой груды щебня и более крупных камней, ничем не удерживаемых на поверхности горы. Подъем затрудняла мало приспособленная для данных условий обувь: абсолютно не представляя сложностей маршрута, и я, и КВ совершили восхождение в сандалиях, которые не защищали ступней от ударов осыпающихся камней. То и дело останавливаясь, дабы перевести дыхание (рис. 8), мы наконец достигли относительно ровного участка. Перед нами открылся удивительный по красоте вид: в окружении зелени высокогорных лугов в горной котловине лежало озеро. Высившиеся со всех сторон горы были покрыты ледниками, некоторые из них спускались к самой воде. Окружающую нас тишину первозданной природы изредка нарушал свист сурков, издалека оповещающих своих сородичей о вторжении незнакомцев на их угодья. Мы пошли к берегу. Температура воды в озере составляла несколько градусов выше ноля, горный воздух был немножко теплее. Взглянув наверх, мы обнаружили, что от гребня горы, путь по которому привел бы нас затем к вершине Оилани Пок, нас отделяют еще несколько сотен метров. Преодолевать это расстояние предстояло по еще более крутому откосу (чем тот, что мы только что прошли), также представлявшему собой сплошную каменную осыпь.

— Я чувствую, что не смогу одолеть этот путь, — глядя на гору, произнес РР. — Соизмеряя силы, решайте сами, чувствуете ли вы себя в состоянии двинуться дальше, — обратился он к нам.

Еще раз оценив взглядом возвышающийся перед нами склон, мы осознали, что едва ли сможем в сложившейся обстановке, учитывая усталость, неопытность и отсутствие экипировки, одолеть дистанцию. К тому же спуск с горы порой таит большую опасность и сложность, чем подъем. Было принято решение возвращаться на летовку.

Путь обратно по знакомой дороге, как показалось, занял значительно меньше времени. Махмадкул настоял на том, чтобы мы остались у него на обед. Как только правила приличия и нормы местного этикета позволили, мы встали из-за дастархана и, попрощавшись с хозяином, отправились в сторону Рогича. Абдуразак и мальчики, прибывшие с нами накануне, сопровождали нас. Когда мы уже миновали большую часть спуска по ущелью Гур-Дары, неожиданно пошел дождь. Никогда ранее не сталкиваясь с дождем в горной местности, я был поражен, насколько холодным он может быть. На контрасте с теплом только что светившего жаркого солнца холодные капли пронизывали до костей. Решив переждать непогоду, мы поспешили укрыться под деревом, к тому же тропинка, по которой мы шли, быстро покрылась водой, и двигаться вниз по ее скользкой поверхности было тяжело и опасно. Однако дождь не ослабевал. РР оставил, к слову сказать, малоэффективное убежище и двинулся далее. Нам не оставалось ничего, кроме как последовать его примеру. Вскоре мы уже добрались до Рогича. Здесь мальчики, управлявшие ослами, покинули нас, и мы рассчитались за аренду выночного транспорта. Мы предполагали, что теперь воспользуемся приглашениями местных жителей зайти в гости на чай, дабы обсохнуть и отогреться, однако, вопреки ожиданиям, РР не стал останавливаться и продолжил путь к Магиёну. Дождь все продолжался, порой доносился раскаты грома. Промокшие до нитки, мы постепенно сокращали расстояние, отделявшее нас от цивилизации. За эти 15 км РР практически не произнес ни слова; он шел, погрузившись глубоко в себя, его лицо не выражало особых эмоций, однако было очевидно, что он был сильно расстроен постигшей нас неудачей. Наш небольшой отряд растянулся на несколько десятков метров, спускаясь вниз по течению Оби-борик, мы изредка перебрасывались между собой парой фраз. Общее настроение передалось и на Абдуразака, который вызвался сопровождать нас до самого Магиёна: его разговорчивость и любознательность как будто улетучились, и он, как и все, шел молча, погруженный в свои мысли. Дождь закончился на подходах к поселку. Уже начинало смеркаться, когда мы вошли в селение. РР решительно был настроен не оставаться здесь на ночлег и во что бы то ни стало уехать сегодня на «базу». Вскоре нашелся транспорт. Мы попрощались с Абдуразаком и погрузились в машину. Уже в темноте мы добрались до Гусара.

Так завершилось мое первое знакомство с горами Центральной Азии. Несмотря на то что задуманные планы не были реализованы до конца, проведенное время не было потрачено впустую. Был собран интересный материал

по разнообразной тематике, в том числе и относительно культа объектов природы, к которым, несомненно, относились и две так и не покоренные нами вершины. Спустя некоторое время мне попалась небольшая заметка, относящаяся к концу 80-х годов XX в., в которой упоминалось об Оилани Пок. В ней говорилось, что раньше на гору вела тропинка, по которой поднимались паломники. Однако в результате землетрясения произошел обвал, который разрушил этот единственный путь наверх. С тех пор вершина недоступна без специального альпинистского снаряжения. Легенда гласит, что однажды туда поднимался пастух со стадом баранов. Проходя небольшое расстояние, он привносил в жертву очередного барана и двигался далее. Так, постепенно, он смог взобраться на почитаемую вершину, к тому моменту ни одного животного у него уже не осталось... [URL: <http://www.strannik.de/travel/sultan.html>].

Оглядываясь назад, я понимаю, что в той экспедиции без надлежащего опыта и оборудования у нас едва ли был шанс совершить восхождение на Оилани Пок, по крайней мере без риска для здоровья или жизни. И понимаю ту настойчивость, с которой РР предпринимал попытки взобраться на эту и соседнюю вершину, стремясь использовать каждую имеющуюся возможность. Понятно его разочарование от постигшей неудачи. Можно только представить, каких усилий воли стоило решиться после двух нереализованных попыток вновь отправиться в тяжелый путь, который мы, будучи в два с лишним раза моложе, одолели с огромным трудом.

И после нашего совместного похода РР не оставлял намерения подняться на Оилани Пок и Хазрат Султан. К слову, последний еще неоднократно безмолвно напоминал нам о своем присутствии и наших незавершенных начинаниях: горная вершина в хорошую погоду видна из долины Зеравшана (в весенний и осенний сезоны ее можно наблюдать даже из окрестностей Самарканда). Летом 2012 г. мы еще раз могли лицезреть заснеженный хребет Хазрат Султана, на своей западной оконечности переходящий в заостренный пик, на котором и располагается почитаемая могила. Наш экспедиционный отряд совершил поездку на мазар Санги Джумман, который находится на одноименном хребте, расположенному к северо-западу от селения Фараб (более подробно об этом мазаре см.: [Рахимов 2013: 124–131]). Поднявшись к объекту, представлявшему собой раскачивающуюся каменную глыбу, мы оказались напротив Хазрат Султана, хотя и на значительно меньшей высоте (рис. 9). Смотря на его вершину, РР заговорил с информантами о возможности подняться туда. Однако за прошедшие четыре года ситуация не изменилась. Все подходы к священной горе по-прежнему оставались заминированными. Это был последний сезон, когда РР посетил Центральную Азию. Менее чем через год его не стало.

«Мы добираемся до вершин чаще всего по обломкам наших заветных замыслов, обнаруживая, что успех нам принесли именно наши неудачи» [Олкотт

Рис. 9. Вид хребта Хазрат Султан с мазара Санги Джуммон. Пик Хазрат Султан, на котором расположен мазар, самый высокий в гряде, — второй от правого края фотографии. Фото автора. 2012 г.

2010: 379]. Хочется надеяться, что данные слова окажутся справедливыми в отношении грядущих планов о покорении вершин Оилани Пок и Хазрат Султан — заветной цели, которую зажег в наших душах Раҳмат Раҳимович, но которую нам придется осуществлять уже без него.

Источники

- Рахимов Р.Р. Полевой дневник экспедиции 2008 г. // АМАЭ. К-І. Оп. 2. № 1866.
Терлецкий Н.С. Полевой дневник экспедиции 2008 г. // АМАЭ. К-І. Оп. 1. № 1872.

Библиография

- Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
Олкотт А.Б. Лучшие афоризмы великих людей. Формула успеха. М., 2010.
Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2008а. Вып. 8. С. 96–112.
Рахимов Р.Р. Таджики: За что камни и пещеры они почитают? // Иран-намэ. Научно-востоковедческий журнал. Алматы, 2008б. № 3 (7). С. 144–172.

Рахимов Р.Р. Пути к святыне в теснине гор // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2009. Вып. 9. С. 140–159.

Рахимов Р.Р. Путь к вершине спасения (или немного почти детективной этнографии) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2010. Вып. 10. С. 138–152.

Рахимов Р.Р. Один день полевой работы (Страницы из дневника поездки 2010 г. в Центральную Азию) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2011. Вып. 11. С. 76–95.

Рахимов Р.Р. За строкою А.П. Федченко: заметки по алидским культовым местам в суннитском окружении Центральной Азии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 124–131.

URL: <http://www.strannik.de/travel/sultan.html>

Некоторые сведения об остане Мушкилкушо (долина р. Бартанг)

В основу данной заметки легли сведения, собранные автором в ходе полевых исследований в составе Центральноазиатской этнографической экспедиции, организованной МАЭ летом 2009 г. Маршрут экспедиции пролегал и по территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Селение Емц, о котором будет идти речь далее, располагается в долине реки Бартанг (правый приток р. Пяндж) приблизительно в 18 км от административного центра района — селения Рушан. Сведения, приведенные в статье были получены, в частности, в ходе беседы с жителем Емца Гулосом Курбанмамадовым (1923 г.р.)

В бытovании ислама Центральной Азии в целом и на Памире в частности значительную роль играет традиция совершения паломничества (*зийарат*) к почитаемым объектам. В роли последних могут фигурировать как гробницы, мавзолеи или иные формы погребальных сооружений на местах захоронения праведников (*аулия*), пророков и иных персонажей мусульманской агиографии, так и отдельные предметы или объекты природы (камни, деревья, водные источники, горы), тем или иным образом связанные с жизнью и деятельностью людей, прославившихся своим благочестием. Для обозначения подобных объектов существует несколько терминов (*мазар*, *зийарат-гох*, *даргох*, *рауза*), однако на Памире наиболее часто места паломничества и поклонения именуются *остонами*.

В селении Емц нами было зафиксировано три почитаемых места. Наиболее значимым из них является *остон* Мушкилкушо. Он представляет собой территорию прямоугольной формы с одной стороны примыкающую к отвесной скале, а с трех других огороженную каменной оградой. Внутри растет почитаемое старое дерево — лох серебристый, кульп которого широко распространен как в горных, так и равнинных районах Центральной Азии. В стене справа и слева от калитки, ведущей внутрь *остона*, располагаются ниши, служащие для возжигания свечей и лучин; в одной из них сложены камни, что также является характерной чертой мест паломничества в регионе. Основная постройка задней стороной примыкает к скале и представляет собой открытое с фасада помещение, из которого дверь ведет в закрытую пещеру. В пещере находятся каменный светильник, а также несколько черных камней округой формы, которые и являются основным объектом поклонения. Под крышей открытой террасы висят фотография главы исмаилитской общины (Ага-хана), а также лубочной портрет Мушкилкушо ('Али). На *остоне* также присутствуют рога горного барана. Свообразный «комплекс» *остона* дополняется невысоким сооружением в виде куба с камнем наверху, расположенным прямо на обочине дороги напротив основного строения, оно служит указателем для паломников

и проезжающих мимо. Со слов информанта *остон* был восстановлен еще в годы Советской власти в 1976 г.

Легенды связывают *остон* Мушкилкушо с объектами паломничества и поклонения, расположенными как выше по течению Бартанга (в кишлаках Сепандж, Басид), *остоном* Ходжай Нуриддин, так и в более удаленных районах (долина р. Хингу). Согласно преданию, *хазрат* ‘Али прибыл в долину Бартанга из Мургаба (Восточный Памир) на белом верблюде. В те годы Емц уже существовал и представлял собой поселение с 27-ю домами. Жителей привлек удивительный белый свет, исходивший от *хазрата*, однако когда они попытались приблизиться к нему, то скала, рядом с которой он стоял, раскрылась, и он скрылся в ней (ушел в *гайб*), при этом из нее еще долго продолжал исходить свет. Вышел ‘Али в долине р. Хингу уже в облике другого популярного персонажа мусульманских легенд — праведного *хазрата* Бурха. По словам информанта, название данного *остона* (Мушкилкушо — букв. «Избавляющий от затруднений») связано с его лечебной функцией: паломники, желая избавится от болезней, либо прикладывают пальцы сначала к почитаемым камням, а затем к больному месту, либо берут с *остона* землю или сажу и, разбавляя ее дома водой, пьют получившийся раствор или омываются им.

Следует отметить, что образ Мушкилкушо широко распространен в преданиях мусульманского населения Центральной Азии. Часто он предстает в виде женского персонажа Биби Мушкилкушо (букв. «Госпожа-разрешительница затруднений»), который призывают в случаях несчастья. Содержание мифов, связанных с Биби Мушкилкушо, близко мифам о *Биби Сешанбе* (букв. «Госпожа-вторник»). Обычно героем преданий о Биби Мушкилкуш предстает старик-бедняк, который, собирая топливо, потерял серп и в поисках его забрел в пещеру, где жила Биби Мушкилкушо. Она обещала старику, что серп его найдется и он даже соберет больше топлива, чем обычно, если каждую неделю по средам будет устраивать в ее честь ритуальное угощение. Пропустив однажды по небрежности одну среду, старики опять попал в беду, но сумел поправить свои дела, вновь совершив положенный обряд. Вариация этого рассказа встречается в суфийских преданиях, в частности в притчах, собранных известным деятелем суфизма Идрис-шахом (1924–1996). Он приводит рассказ о некоем бедном дровосеке, который один воспитывал дочку. Каждый утром он уходил в горы, чтобы нарубить дров, сделать вязанки и продать дрова в ближайшем городе. Однажды, пытаясь собрать больше дров, дабы обеспечить пропитание дочери, дровосек зашел далеко в лес, где заготавливал целый день хворост. Забредя в самую чащу леса, дровосек заблудился и, уже отчаявшись найти дорогу домой, вдруг услышал голос, который призывал его последовать за ним, и тогда он обретет все, в чем нуждается. Старики последовал за этим голосом, поведав также о своих злоключениях и бедности и нужде семьи. Голос велел ему закрыть глаза и подниматься по возникшей волшебным образом лестнице с закрытыми глазами. Прошло еще немного времени, и голос разрешил дровосеку открыть глаза. Старики открыл глаза и увидел, что перед ним простирается

какая-то странная равнина, походившая на пустыню с солнцем, безжалостно палящим сверху. Вокруг насколько хватало глаз были груды каких-то камешков разных цветов и оттенков; вдруг он опять услышал голос, который велел ему взять столько камешков, сколько он сможет унести, закрыть глаза и ступить вниз тем же путем, каким пришел. Все исполнил дровосек, что ему велели, и когда он вновь по приказу открыл глаза, то увидел, что стоит перед дверью своей лачуги. Тут старику почудилось, будто он снова слышит все тот же таинственный голос, который сообщил, что спасен он был Мушкилкушо. И тот повелел старику взять за правило: каждый четверг вечером разделять трапезу или же давать что-нибудь любому нуждающемуся и рассказывать историю о Мушкилкушо или же вручать подарок во имя Мушкилкушо любому, кто окажет помощь нуждающемуся. Сложив принесенные камешки в углу хижины, поскольку они были очень похожи на обыкновенную щебенку, дровосек вскоре забыл о своем спасении и в следующий же четверг не повторил историю о святом и не выполнил его предписаний. За что испытал множество бед, пока не осознал своей ошибки и не стал исполнять должным образом предписанное святым обязательство, в результате камешки превратились в драгоценные камни и дровосек и его дочь зажили счастливо. В мусульманизированной версии мифа Биби-Мушкилкушо считается теткой знаменитого бухарского суфия Баха-ад-Дина Накшбанда.

Близ кишлака Емц находится также *остон* Пир Сурх-Ру (букв. «Краснощекий праведник»), который местные жители относят к категории *кадамджой*, т.е. мест, где почитаемый праведник оставил свой след. Данный объект связан с культом дерева и камня. Приводится следующая легенда. Некогда на месте этого *остона* росло почитаемое можжевеловое дерево. Некий человек, прибывший из верховьев Бартанга (Пасур), невзирая на запреты, срубил его, однако не смог сразу увезти с собой. На следующий год он вернулся и вновь попытался его забрать, однако внезапно упавший камень убил его, отрубив голову. С тех пор на данном *остоне* почитается камень красного цвета, при этом, по словам информанта, не ясно, то ли это камень, убивший нечестивого человека, то ли это его отрубленная голова превратилась в камень.

Третий *остон* находится к северу от Емца вверх по течению Ром-дары (Обиром). Он носит название Пир Гуф и объектом почитания здесь выступают две треноги (*сипойа*) — подставки для казана. *Остон* располагается в труднодоступном месте у дороги на летовку, проходящей по *оврингам*, и скрыт от посторонних глаз в небольшой пещере, образовавшейся под огромными валунами. Здесь из камней сооружена небольшая ниша для возжигания огня, имеется несколько камней необычной формы, а также рога архаров. Сами треноги сделаны из чугунных прутьев, прямоугольных в сечении. Относительно связанный с ними легенды удалось узнать следующее. Ранее в селении имелось три почитаемых котла, принадлежавших, очевидно, всей общине (более подробную информацию о том, почему их чтили, информант сообщить не смог, однако определенное почтительное отношение к казану, а подчас и очевидный

культ котла наблюдается во многих районах Центральноазиатского региона). В годы Советской власти два жителя селения, некто Мусо и Мамад, хотели вывезти их и продать. Последующая часть легенды имеет два варианта. Согласно одному, остальные жители решили уничтожить котлы, а треноги спрятали в трех домах: Каргиза, Холина и Хамира. Согласно другой версии, котлы сами улетели, когда нечестивые люди к ним приблизились, а треноги позже были перенесены в три указанные дома. После этого Мамад сразу же умер, а Мусо тяжело заболел (неким тяжким кожным заболеванием на руках) и вскоре тоже скончался. В настоящее время люди, совершающие паломничество к данному останцу (вероятно, исключительно жители Емца), готовят на треногах пищу, а также оставляют здесь еду.

Мусульманские места паломничества и поклонения селения Емц, дошедшие до наших дней, предоставляют богатую информацию к размышлению о видоизменении (или же, напротив, неизменности) одной из ключевых сторон религиозного поведения народов Центральноазиатского региона в условиях постоянных смен господствующих идеологических установок. В частности, легенды о Мушкилкушо, а также многие элементы практики *зийарата*, несомненно обнаруживают свои корни в эпохах, предшествовавших появлению ислама в регионе.

Т. Б. Щепанская

Гадания на мобильном телефоне (к этнографии техносферы: постановка проблемы)

По мере индустриального развития и урбанизации этнографическая наука как будто утрачивает интерес к материальной культуре: произведенные индустриально вещи теряют самобытность и все в меньшей степени воспринимаются этнографами в качестве этнических маркеров. Исследователи пишут о том, что функции этноопределяющих и дифференцирующих признаков перемещаются в сферу духовной культуры [Бромлей 1981: 383; Тишков 1997: 32]. Может ли быть объектом этнографического интереса вещь, произведенная в наши дни индустриальным способом, функционирующая в контексте городской культуры, а тем более сложное техническое устройство, производимое и распространяемое в рамках глобальных систем коммуникаций? В этой статье я рассматриваю по крайней мере один аспект анализа вещей, вполне соответствующий этнографической традиции и в то же время применимый к сложным техническим устройствам в не меньшей степени, чем к предметам деревенского быта, — исследование практик семиозиса вещей (о семантике мобильного телефона см.: [Николаева, Николаева]). В качестве такой практики рассмотрим прогностические (гадание, предсказание будущего), а в качестве